

На правах рукописи

Инишев Илья Николаевич

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И МЕДИАЛЬНОСТЬ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Специальность 09.00.03 – история философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Москва 2015

Работа выполнена в учебно-научном центре феноменологической философии философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный консультант: МОЛЧАНОВ ВИКТОР ИГОРЕВИЧ
доктор философских наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный
университет, руководитель Учебно-научного центра
феноменологической философии философского
факультета

Официальные оппоненты: СОКУЛЕР ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор философских наук, профессор,
Московский государственный университет, профессор
кафедры онтологии и теории познания философского
факультета

РАЗЕЕВ ДАНИЛ НИКОЛАЕВИЧ
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
заведующий кафедрой философии науки и техники
института философии

САВИН АЛЕКСЕЙ ЭДУАРДОВИЧ
доктор философских наук,
Институт философии РАН, ведущий научный
сотрудник

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Защита состоится __ноября 2015 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.198.05, созданного на базе РГГУ, по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 6 и на сайте <http://www.rsuh.ru/>.

Автореферат разослан _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

В.М. Карелин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Феноменологическая (философская) герменевтика остается одним из наиболее важных направлений современной философии, оказавшим и продолжающим оказывать влияние не только на формирование специфики современного (постметафизического) философствования, но и на развитие ряда гуманитарно-научных и социальных дисциплин, таких, как теория литературы, эстетика, философия языка, теория коммуникации, социально-критическая теория. Например, ее влияние отчетливо прослеживается в антропологии литературы Вольфганга Изера, теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса, языковой прагматике Карла-Отто Апеля, теории значения Дональда Дэвидсона.

Несмотря на то, что своим влиянием герменевтика обязана множеству теоретических мотивов и понятий, среди которых универсальность понимания, действенно-историчное сознание, герменевтический диалог и другие, центральной для герменевтики была и остается проблематика языкового, или герменевтического феномена, во всех его измерениях и его структурной связи со специфически человеческим опытом мира. При этом важно отметить, что как в первоначальном проекте феноменологической герменевтики Хайдеггера, так и в более поздних версиях герменевтической философии (Ханс Липпис, Ханс-Георг Гадамер, Поль Рикёр, Джанни Ваттимо) мы едва ли найдем нечто напоминающее систематически разработанную концепцию языкового измерения человеческого опыта.

Это обстоятельство отчасти объясняется историческим генезисом философской, или феноменологической герменевтики, тесно связанной с философией Гуссерля, которая, как известно, не проявляла систематического интереса к проблематике языка. Это игнорирование языка было во многом обусловлено тесной связью феноменологии с философской традицией, рассматривавшей зрительное восприятие в качестве основной модели

человеческого опыта мира. Кроме того, преимущественно гносеологическая и онтологическая ориентация, характерная для философского проекта Гуссерля, сохранилась и в герменевтической феноменологии Хайдеггера, оказавшей решающее влияние на формирование философской герменевтики. Онтологическая и гносеологическая перспектива мотивировала интерес герменевтической феноменологии к всеобщим структурам, оставляя в тени ситуативную и перформативную сторону нашего опыта, не говоря уже о том, чтобы усмотреть основания для отказа от парадигмы визуального восприятия в пользу парадигмы коммуникации и диалога.

В итоге, невзирая на пережитый ею «герменевтический поворот» 20-х годов, феноменологическая философия (а, следовательно, и феноменологическая герменевтика) оказалась без терминологического аппарата, пригодного для аналитической работы в области проблематики языкового опыта. Это затруднило анализ собственно феноменологических новаций в этой области исследований, к которым относится, прежде всего, идея интегрированности языкового опыта в перцептивные практики. И хотя в феноменологии проблематика языкового не может быть отделена от основной феноменологической проблемы (проблемы принципиального определения феномена) ее специальная разработка представляется необходимой.

Эта разработка позволила бы, во-первых, сформировать более дифференцированный взгляд на итоги и перспективы «феноменологического движения», который бы не ограничивался теоретическим самосознанием фактических его представителей. Кроме того, это позволило бы интенсифицировать диалог с аналитической философией, которая, вследствие несовместимости терминологических аппаратов и различий в постановках вопроса, долгое время оставалась невосприимчивой к феноменологическим новациям в области проблематики языка. (Феноменология, как известно, в свою очередь рассматривала практикуемые в аналитической философии

подходы к проблематике языка как объективирующие, то есть имеющие дело с языком в его модифицированных, или вторичных, формах).

Таким образом, опыт систематической реконструкции феноменологической герменевтики в перспективе проблематики языкового феномена, рассматриваемого в качестве фактора опыта мира, актуален как с точки зрения истории самой феноменологической философии, так и с точки зрения задачи сопоставления аналитического и феноменологического подходов к языку в его структурной связи с когнитивными и социальными практиками.

Кроме того, реконструкция феноменологически-герменевтической концепции языкового феномена, как и реконструкция внутренней логики становления феноменологической герменевтики составляет важную часть задачи определения специфики современного философствования по сравнению с его традиционными формами. Эта задача остается по-прежнему актуальной, несмотря на ряд предпринятых в философии 20-века попыток ее разрешения. К числу ярких образцов современной философии, заключающих в себе ее типологические черты, относится и философская герменевтика. Будучи генетически связанной с одним из ведущих философских направлений современности, феноменологией, герменевтика поддерживает продуктивную связь с другими течениями современной философии, такими, как аналитическая философия языка и постструктурализм, а также с другими социальными и гуманитарно-научными дисциплинами, нацеленными на критику и преодоление метафизических форм мышления. Тем самым герменевтика представляет собой один из важнейших ресурсов современной философской рефлексии и вместе с тем одно из наиболее последовательных и полных воплощений ее специфики.

Помимо этих – внешних – оснований для рассмотрения герменевтики в качестве репрезентанта современного философствования, существуют и внутренние. Они связаны с достаточно распространенной характеристикой современного философского мышления как «постметафизического». Юрген

Хабермас – автор идеи и понятия постметафизического мышления – выделяет такие характерные черты «постметафизического», как процессуальность, рациональность, приоритет практики над теорией, ситуированность разума, отказ от парадигмы сознания в пользу парадигмы языка.¹

При всей убедительности этого перечня упомянутым в нем чертам, с нашей точки зрения, недостает структурного единства (объединяющего принципа), выявление которого крайне важно для более точного понимания природы современного философского – или инспирированного современной философией – мышления. В качестве такого объединяющего принципа мы предлагаем рассматривать идею **медиальности** (понимаемой пространственно), которая в форме сквозного мотива структурирует и направляет исследовательские усилия в основных течениях современной философии (феноменология, аналитическая философия, структурализм), которые долгое время и многими рассматривались как несовместимые.

Медиальность – таков основной тезис нашего исследования – выступает, прежде всего, в роли модели, позволяющей мыслить взаимосвязь мира и языка, а также структуру коммуникативного опыта, не прибегая к традиционным противопоставлениям субъективного и объективного, эмпирического и трансцендентального, теоретического и практического, универсального и фактического (1). В итоге, медиальность задает систему координат, которая не только альтернативна прежней, или «метафизической», но и представляет собой ее неявное генетическое основание. Все эти понятийные оппозиции возможны только как модификации (результат разложения, дифференциации) первоначального пространства опыта (назовем его **перформативным медиумом**), в котором – и в качестве которого – формируется наш опыт мира и наше самосознание. Тем самым, медиальность, как она понимается в настоящем исследовании, – это не только **формальный**

¹ Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt/M., 1988. S. 35-60.

принцип, или модель мышления, но и феномен, подлежащий и поддающийся позитивному определению (2).

Одна из основных трудностей, с которой неизбежно сталкивается любая попытка реконструкции ключевого характера проблематики медиальности для современного мышления, заключается в том, что «медиалистский» мотив зачастую не распознается в качестве такового. Это связано в первую очередь со спецификой терминологического аппарата той или иной философской концепции, соответственно, интеллектуальной традиции, которой эта концепция принадлежит. Так, например, языковая прагматика от Людвиг Витгенштейна до Роберта Брендома, разрабатывая экстерналистскую концепцию значения, понимает речь как способ взаимодействия с миром (как объективным, так и социальным). Это взаимодействие, очевидно, не может быть локализовано ни в ментальной сфере, ни в физическом мире. Для его позитивной характеристики требуется разработка идеи особой среды, или медиума, в рамках которого языковое и внеязыковое, содержательное и пространственное образуют структурное целое, делая категориальные границы между языковым и неязыковым, как минимум, проницаемыми.

Но именно этого недостает в любой из современных концепций языка, ориентированных на экстерналистское понимание языкового значения. Например, Витгенштейн решает проблему взаимосвязи мира и языка исключительно прагматистски: рассматривая языковое и неязыковое как «равноценные» активности, или факторы в рамках повседневных социальных практик. С одной стороны, это позволяет ему избежать (трудоемкой и потенциально уязвимой для разноплановой критики) постановки онтологического вопроса о предпосылках взаимодействия языкового и неязыкового. Но с другой стороны, крайне важная с теоретической точки зрения связь между миром и языком остается без объяснения. Витгенштейн решает проблему взаимосвязи мира и языка путем растворения специфически языкового в широко понимаемом социально-практическом, не предпринимая

эксплицитной попытки разработки специфической материальности и пространственности (т. е. медиальности) языковой игры. В итоге, специфически языковые черты социальных и познавательных практик остаются вне поля зрения.

Таким образом, одной из актуальных задач любого, посвященного современной философии, исследования остается экспликация и реконструкция сквозного медиалистского мотива, характерного для большинства современных теоретических позиций, декларирующих радикальный разрыв с метафизической традицией. Эту экспликацию и реконструкцию мы также производим на материале философской, т.е. феноменологической герменевтики. При этом необходимо отметить, что в случае феноменологической герменевтики, к которой мы относим в первую очередь философские проекты Мартина Хайдеггера, Ханса Липпса, Вильгельма Шаппа, Ханса-Георга Гадамера, Гюнтера Фигаля и Эмиля Ангерна, анализ проблематики медиума и медиальности оказывается особенно актуальным. Мотив медиальности – по большей части неявным образом – пронизывает все развитие феноменологической герменевтики от ее первоначальных набросков в ранних лекционных курсах Хайдеггера до ее поздних форм в практической и политической философии Рорти и Ваттимо. Более того, проблемные области медиальности, опыта мира и языка образуют в философской герменевтике структурную связь. Ключевая для философской герменевтики проблема взаимосвязи мира и языка разрешается посредством – не всегда эксплицитной – ориентации на медиалистскую модель человеческого опыта мира, отказывающуюся от использования категориального аппарата философии нового времени.

Тем самым экспликация сквозного медиалистского мотива составляет базовую предпосылку для понимания специфики феноменологической герменевтики как одной из наиболее последовательных и радикальных форм постметафизического мышления, а также для уяснения специфически

герменевтических новаций в области современной философии языка и теории речевой коммуникации.

Таким образом, актуальность темы настоящего диссертационного исследования можно резюмировать в виде следующих пунктов:

1. На сегодняшний день по-прежнему наблюдается дефицит исследований, посвященных систематическому (т.е. не историческому) анализу становления феноменологической герменевтики, понимаемой как результат имманентной трансформации первоначального феноменологического проекта – дескриптивной феноменологии когнитивных актов сознания.
2. Как следствие, остаются без адекватной понятийной артикуляции специфически феноменологические (феноменологически-герменевтические) новации в сфере проблематики языка, восприятия, социального действия. Проблематика языкового, или герменевтического феномена имеет ключевое значение для понимания специфики феноменологической герменевтики, предлагая более адекватную оптику для реконструкции внутренней логики развития феноменологии как формы постметафизического мышления нежели нагруженная метафизическими импликациями идея трансцендентального осознания.
3. Наличие дифференцированной феноменологически-герменевтической концепции языкового значения составляет одну из важнейших предпосылок продуктивного диалога между континентальной и аналитической философией. Современная языковая прагматика от Карла-Отто Апеля до Роберта Брендома, опирается на ряд разработанных в герменевтической феноменологии идей и мотивов, и ее специфика может стать более рельефной в случае ее рассмотрения сквозь призму систематически реконструированной феноменологически-герменевтической концепции языкового феномена и языковых форм опыта. В

частности это касается специфической пространственности, или медиальности языковой коммуникации, которая остается вне поля зрения многих экстерналистских, прагматистски ориентированных концепций языка.

4. Феноменологическая герменевтика и, соответственно, герменевтическая концепция языкового генетически и структурно связана с проблематикой медиальности (в форме проблемы структурного единства опыта) как сквозным мотивом современного, или постметафизического мышления. Это делает ее систематическую реконструкцию актуальной в контексте задачи определения характерных черт современного мышления, свободного от предпосылок традиционной, или метафизической философии.

Степень теоретической разработанности темы

На сегодняшний день нет недостатка в исследованиях, посвященных специфике современной философии языка. В отечественной и в особенности в зарубежной литературе вопросы генезиса, внутренней специфики и современного состояния философии языка освещены достаточно детально. По большей части это касается концепций языка, разработанных в аналитической философии, в то время как феноменологические концепции языка (языкового феномена) куда в меньшей степени представлены как в отечественных, так и в зарубежных научных публикациях.

Как было отмечено выше, не в последнюю очередь такое положение дел объясняется историческим генезисом феноменологии. В первоначальном феноменологическом проекте доминирует проблематика восприятия, которое рассматривается в качестве первичной формы опыта мира. В этой связи весьма примечательно, что даже те версии феноменологической философии, которые эксплицитно ориентированы на проблематику смысла (герменевтическая феноменология, философская герменевтика), не

располагают разработанной теорией языка и значения. В итоге, со стороны аналитической философии долгое время отсутствовал интерес к феноменологическим исследованиям в области языкового значения и коммуникации. Континентальная философия в целом и феноменология в особенности рассматривалась ею как невосприимчивая к идее центральной роли проблематики языка в философии.

Ситуация стала меняться лишь с конца 60-х годов прошлого века, благодаря, прежде всего, работам Карла-Отто Апеля и Юргена Хабермаса, предложившим свои версии «прагматического поворота» в рамках «философии нормального языка». При этом, будучи схожими как минимум в своих принципиальных теоретических установках, «трансцендентально-прагматический» подход Апеля и «формально-прагматический» подход Хабермаса демонстрируют и существенные расхождения в ряде вопросов.

Прежде всего, работы К.-О. Апеля 60-х годов послужили стимулом для формирования интереса к герменевтически-феноменологической концепции языка. Примечательно, что — как показывают работы Апеля — это стало возможным лишь в контексте самокритики аналитической философии, в контексте сопоставления аналитической и феноменологической перспектив.

Тем не менее, несмотря на возросший объем литературы, посвященной феноменологической и аналитической философии, по-прежнему наблюдается дефицит работ, систематически анализирующих феноменологически-герменевтическую трактовку опыта языка, не говоря уже о таких, которые бы рассматривали ее в медиалистской перспективе как основополагающей для идеи «постметафизического мышления».

Одно из оснований и вместе с тем важную отправную точку настоящего исследования образуют работы отечественных и зарубежных авторов, посвященных становлению и последующим трансформациям феноменологического проекта. Среди них следует особо отметить работы В.И. Молчанова, Н.В. Мотрошиловой, Г.А. Чернякова, О. Пёггелера, Фр.-В. фон Херрманна, В.А. Куренного, Е.В. Борисова, Д.Н. Разеева, А.Э. Савина, П.

Травни, Б. Вальденфельса, П.-Л. Кориандо, Л. Тенгели, Л. Ландгребе, К. Хельда, Ж.-Л. Мариона, Б. Вальденфельса, К.-Ф. Гетманна, Х.-Х. Гандера. Многие из этих авторов критически относятся к сведению феноменологического опыта к актам визуального идентифицирующего восприятия. Постепенное и последовательное обнаружение все новых предпосылок и скрытых факторов «трансцендентального сознания» привело в конечном итоге к необходимости пересмотра ряда базовых принципов первоначального феноменологического проекта. Эта продуктивная «ревизия» внесла свой вклад в дальнейшее развитие проблематики понимания и языка как центральных для феноменологического проекта; прежде всего, посредством создания предпосылок для продуктивного переосмысления взаимосвязей (объектного) мира, сознания и языка.

Важный для нашего исследовательского проекта медиалистский мотив упоминается в работах Ф. Фельмана, который его тем не менее не связывает с герменевтической трансформацией рефлексивной (дескриптивной) феноменологии.²

Реконструкция логики и анализ оснований герменевтической трансформации рефлексивной феноменологии представлены в работах таких авторов, как Ж. Гронден, Т. Кизель, Дж. Капуто, Р. Курт, Х. Инайхен, У. Титц, И.А. Михайлов, Е.В. Борисов, В. Бруган, Г. Фигаль, Дж. Саллис, О. Шольц, Х. Дрейфус, Дж. Риссер. При этом особое значение для практикуемой в настоящем исследовании постановки вопроса имеют работы Г. Фигалья и Ф. Фельмана, подчеркивающих пространственный (медиальный) характер герменевтического опыта.

Важное для настоящего исследования сопоставление феноменологической и аналитической перспектив осуществлено в работах Т. Ренча, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, Э. Тугендхата, К. Деммерлинга, Дж. Макдауэлла, О. Шольца, А. Вельмера, Е. Борисова.

² Fellmann F. Phänomenologie zur Einführung. Hamburg: Junius Verlag, 2006.

Новейшие тенденции в современной (пост)аналитической философии, еще более отчетливо демонстрирующие взаимную релевантность аналитической и феноменологической перспектив, изложены и проанализированы в работах Г. Бертрама, Я. Липтова, Д. Лауэра, Дж. Макдауэлла, М. Зееля, С. Кремер, Х. Шнедельбаха.

Медиалистские мотивы и импликации в контексте проблематики взаимосвязи опыта мира и языка присутствуют в работах Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Ю. Хабермаса, К-О. Апеля. Попытки эксплицитной разработки этих мотивов представлены в исследованиях Ф. Фельмана, Й.Г. Шнайдера, К. Сеттера.

Источниковая база исследования включает в себя оригинальные тексты ведущих представителей феноменологической герменевтики. Начала и предпосылки герменевтического проекта в рамках «феноменологического движения» реконструируются на материале ранних лекционных курсов Мартина Хайдеггера. Особенно важны здесь лекционные курсы 1919 года («Философия и проблема мировоззрения») и 1923 («Онтология. Герменевтика фактичности»). Курс 1923-го года представляет собой первую попытку систематического обоснования герменевтической трансформации феноменологической философии.³ В тексте – хотя и достаточно схематично – представлена взаимосвязь историко-критической и дескриптивно-аналитической перспектив, сыгравшая ключевую роль в повороте феноменологической философии от «парадигмы сознания» к «парадигме языка». Более поздние тексты Хайдеггера, такие как трактат «Бытие и время» (1927), сборник статей «На пути к языку» (1959), собрание заметок 1930-х годов «О сущности языка» и лекционных курс 1938-го года «Логика как вопрос о сущности языка» составили главный источник для реконструкции концепции языка позднего Хайдеггера. Важным источником для разработки

³ Диссертантом подготовлен перевод этого текста (Хайдеггер М. Онтология: герменевтика фактичности. Академический проект, М., 2012)

предлагаемого в настоящем исследовании «медиалистского» взгляда на природу языкового опыта являются работы Ханса Липпса «Исследования по герменевтической логике» (1938) и Вильгельма Шаппа «Запутавшись в историях» (1953), предлагающие пространственную – не инструменталистскую – трактовку языка и нарратива. Реконструкция медиалистских мотивов в ранней феноменологии осуществляется на материале текста Эдмунда Гуссерля 1908 года «Лекции по теории значения», а также его «Логических исследований». Герменевтическая концепция языка Ханса-Георга Гадамера реконструируется и исследуется на материале программного труда «Истина и метод. Основания философской герменевтики» (1960) (тома 1 и 2 собрания сочинений Гадамера), а также его поздних работ по проблематике языка, опубликованных в 8 и 10 томах собрания его сочинений. Основными источниками в области теории речевых актов и современной языковой прагматики служат работы Людвиг Витгенштейна («Философские исследования»), Джона Остина («Как делать вещи при помощи слов»), Джона Сёрла («Сознание, язык, общество»), Карла-Отто Апеля («Трансформация философии»), Юргена Хабермаса («Теория коммуникативного действия»), Дональда Дэвидсона («Истина и интерпретация»), Джона Макдауэла («Разум и мир») и Роберта Брэндома («Между речью и действием»).

Объект исследования. Объект исследования – исторический генезис и актуальные трансформации герменевтической линии в феноменологической философии, включающей в себя в первую очередь феноменологически-герменевтические концепции М. Хайдеггера, Х. Липпса и Х.-Г. Гадамера.

Предмет исследования. Предметом исследования выступает феноменологически-герменевтическая концепция языка и значения, рассматриваемая в качестве центрального элемента современной герменевтической философии. Модель перформативного медиума, на

которой эта концепция базируется служит основанием для историко-философской реконструкции развития феноменологии от теории сознания к теории языка, а также основанием для сопоставления феноменологической и аналитической концепций языкового измерения опыта мира.

Цель исследования

Исследование включает в себя историко-философский и систематический компоненты. Соответственно, цель исследования носит двоякий характер.

1. Цель историко-философской части – реконструкция герменевтической (медиалистской) концепции языка как результата последовательной и имманентной трансформации первоначальной программы феноменологической философии.
2. Цель систематической части – разработка теоретической модели языкового измерения опыта мира, которая бы позволила сопоставить феноменологически-герменевтическую концепцию языка с альтернативными подходами, разработанными в языковой прагматике, и предложить проект интегральной теории коммуникативных речевых практик, охватывающей собой как эксплицитные, так и имплицитные формы языкового опыта.

Задачи исследования

Поставленная цель достигается посредством решения следующих задач:

- 1) исследование истоков и экспликация мотивов герменевтической трансформации феноменологии сознания;
- 2) обоснование понимания герменевтической феноменологии как линии развития «феноменологического движения», которая в

большей мере нежели альтернативные проекты отвечает его собственной логике;

- 3) реконструкция герменевтической концепции языкового измерения опыта мира;
- 4) обоснование тезиса о медиальном характере языкового опыта, как он понимается в герменевтической философии;
- 5) обоснование медиальности в качестве сквозного мотива специфически современного – «постметафизического» – способа мышления;
- 6) исследование содержательных связей между герменевтической концепцией языка и современными версиями языковой прагматики как одной из ведущих форм постметафизической философии;
- 7) разработка контуров интегральной герменевтической теории языкового опыта, которая бы объединяла современные концепции речевого акта в единую – медиалистски ориентированную – концепцию языкового опыта на основе структурной связи рассматриваемых в каждой из них языковых феноменов.

Методология исследования

В исследовании используются по преимуществу следующие методические стратегии:

1. Метод феноменологической дескрипции используется при экспозиции предметного поля как рефлексивной, так и герменевтической феноменологии. Этот метод представляет собой общую методическую установку при обсуждении тезисов (текстов) феноменологической традиции, рецепция которых не может осуществляться исключительно вербальными средствами и требует самостоятельного исполнения соответствующих интуиций и их описания.

2. Метод имманентной реконструкции представляет собой важную предпосылку корректного сопоставления тезисов и положений, формулируемых в различных интеллектуальных традициях. Метод состоит в последовательной ориентации на тематику, терминологию и теоретические предпосылки анализируемой концепции, что позволяет корректно реконструировать – а в последствии корректно критиковать – соответствующую концепцию.
3. Сравнительный (компаративный) метод позволяет выявить общие типологические черты сопоставляемых теоретических позиций.
4. Метод систематической реконструкции нацелен на экспликацию (идеальной) логики развития каждого из анализируемых теоретических направлений, выходя за пределы эксплицитной самоинтерпретации их основных представителей.
5. Метод историко-философской реконструкции служит выявлению содержательных связей между историческими (фактическими) направлениями современной философии, их влиянию друг на друга и на формирование проблематики, составляющей тему настоящего исследования.

Новизна научных результатов и положения, выносимые на защиту

В диссертации впервые (как в отечественной, так и в зарубежной историко-философской литературе) предпринята попытка реконструкции и обоснования герменевтической концепции языкового измерения опыта мира как сквозной линии развития (или внутренней тенденции) феноменологической философии от Гуссерля до Гадамера (1); выявлены типологические черты герменевтической трактовки языка как составной части современного «постметафизического мышления», а также ее новации по сравнению с альтернативными версиями «постметафизического проекта» (2); сопоставлены теоретические позиции ведущих представителей

философской герменевтики таких, как М. Хайдеггер, Х. Липс и Х.-Г. Гадамер (3); поставлен вопрос о базовой модели (парадигме), которая бы задавала адекватную перспективу для реконструкции и анализа герменевтической концепции языка; в качестве наиболее адекватной и, соответственно, продуктивной парадигмы для интерпретации герменевтической концепции языка предлагается модель медиальности (медиума), трактуемая как специфическая пространственная среда, основывающаяся на структурной взаимосвязи материального и смыслового (4); разработаны контуры интегральной теории языковой коммуникации, позволяющей, рассматривать герменевтику и языковую прагматику как взаимодополняющие концепции (5).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Тему феноменологии, задающую логику ее развития от дескрипции актов перцептивного сознания до экспликации структуры и социально-теоретических импликаций герменевтического опыта, составляет проблематика первичной феноменальности. Не «феномены сознания» – которые, по сути, представляют собой определенный ответ на вопрос об изначально являющемся и условиях его явленности, – а именно феноменальность как формальная, а стало быть, не заключающая в себе имплицитных ответов категория составляет отправной пункт и тематический горизонт феноменологического исследования.
2. Одно из основных следствий такого (пере)определения предмета феноменологической философии – необходимость смены базовой парадигмы феноменологии, обуславливающей перспективу как самих феноменологических исследований, так и их историко-философских интерпретаций. На смену фундаментальной для

первоначальной феноменологии модели «акта» (а также «восприятия», «сознания», «горизонта», «структуры») должна прийти модель «перформативного медиума», подчеркивающая генетический приоритет единства над дискретностью, пространства над структурой, процесса над субстанцией. Медиум, медиальность, трактуемые в смысле пространства/среды как теоретической, так и практической артикуляции, – единственная теоретическая модель, отвечающая идее первичной феноменальности (явленности) как основополагающей темы феноменологии, понимаемой в смысле радикального философского проекта.

3. Медиум, или медиальность – это своего рода область исходной взаимосвязи мышления, речи и действия, характеризующаяся структурированностью и феноменальностью (т.е. она может быть удостоверена различными способами). Идея медиальности – как она реализована в герменевтических концепциях языковых феноменов – задает (пусть и не всегда распознаваемый в качестве такового) горизонт «постметафизического мышления» как отличительной черты современного философского мышления.
4. Эта взаимосвязь мышления, речи и действия имеет различные модификации и воплощения: от (по видимости) неязыковой перцепции до (по видимости) лишенной лингвистических содержаний языковой коммуникации. Как следствие, парадигма медиальности, разработанная в феноменологической герменевтике, позволяет мыслить взаимосвязь различных форм и ступеней человеческого опыта, избегая ложных противопоставлений (таких, например, как речь и действие) и редуccionизма.
5. Поскольку первичная феноменальность (область первоначально «данного») представляет собой структурное единство различных

ступеней и форм коммуникативного опыта (от «герменевтического диалога», партнером по которому может быть визуальный артефакт, до обмена высокодифференцированными аргументами в контексте теоретической дискуссии), герменевтически трансформированная феноменология включает в себе социально-философский потенциал, который состоит помимо прочего в комплементарности герменевтической концепции языковой коммуникации по отношению к другим коммуникативно ориентированным концепциям социального действия и языка, в частности, речь идет о теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрла, «трансцендентальной герменевтике» Апеля и языковой прагматике Ю. Хабермаса.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Осуществленная в рамках настоящего исследования историко-философская реконструкция способна внести заметный вклад в отечественные феноменологические исследования, а также в осмысление роли феноменологии в становлении специфически современных (постметафизических) форм мышления. Предложенный в исследовании взгляд на логику развития феноменологической философии (сквозь призму идеи холистической феноменальности и в ориентации на модель перформативного медиума) позволяет более адекватно оценить вклад феноменологической философии в современную философию языка, закладывая основания для всестороннего сопоставления феноменологических и аналитических концепций языковой коммуникации и языкового значения. Предлагаемая в исследовании концепция медиальности как первичного пространства опыта способна выступить важным дополнением к распространенным в современном медиа-дискурсе представлениям о медиуме

(медиум как посредник, инструмент и материальный носитель). В итоге, помимо возможного вклада феноменологической философии в медиа-теорию, можно говорить и о намечающейся перспективе диалога между феноменологической философской традицией и различными версиями современной теории медиа.

Предложенная в исследовании интегральная теория коммуникативного опыта способна внести существенный вклад в преодоление давней теоретической конфронтации между философской герменевтикой и языковой прагматикой (прежде всего, в версиях Апеля и Хабермаса), тем самым вводя феноменологическую философию (в ее герменевтической версии) в круг современной социально-теоретической проблематики.

Результаты диссертационного исследования могут использоваться при подготовке учебных курсов, посвященных аналитической и феноменологической философии, современной философии языка, социальной теории, философии культуры и истории современной философии.

Апробация исследования

Результаты диссертационного исследования представлены а) в двух монографиях; б) в шестнадцати статьях, опубликованных в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук; в) в восьми статьях, опубликованных в прочих изданиях.

По проблематике исследования были сделаны доклады на всероссийских и международных научных конференциях «Le « 2e ouvrage principal » de Martin Heidegger Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Interprétation et traduction» (Лозанна, 20-22 мая 2004), «Россия и феноменологическая традиция» (Санкт-Петербург, 14-18 сентября 2005), «80 лет «Бытию и времени» М. Хайдеггера» (Москва, 17-19 сентября 2007), «Phenomenology and

Human Sciences» (Каунас, 27-28 апреля 2008), «Творческое наследие Г.Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания. Пятые Шпетовские чтения» (Томск, 1-5 декабря 2008), «Пространство феноменологии: к 150-летию со дня рождения Эдмунда Гуссерля» (Москва, 25-27 мая 2009), «Герменевтика Х.-Г. Гадамера и проблема методологии гуманитарных наук» (Санкт-Петербург, 28-31 мая 2009), «Методологические принципы современной феноменологической философии и философской герменевтики» (Санкт-Петербург, 24 – 27 сентября 2009), «Эдмунд Гуссерль. К 150-летию рождения философа» (Москва, 10-12 декабря 2009), «New Concepts in Modern Phenomenology» (Санкт-Петербург, 3-5 июня 2010), «Язык философии: традиции и новации» (Москва, 7-8 декабря 2010), «Мартин Хайдеггер и философская традиция» (Москва, 7-8 июня 2012), «Шестые Шпетовские чтения» (Томск, 1-5 июня 2015).

Основные положения диссертации обсуждались в рамках ряда постоянных научных мероприятий, таких как теоретический семинар кафедры истории философии и логики Томского государственного университета (заседание от 08.02.2011), теоретический семинар кафедры философии Европейского гуманитарного университета «Феноменологическая философия: история и современность» (Минск–Вильнюс, 2004–2010), Международный семинар по повышению преподавательского мастерства «Современная коммуникативная философия и коммуникативные стратегии в преподавании философии» (Вильнюс–Минск, 2003 – 2006), научный коллоквиум философского факультета франкфуртского университета (22.11.2011).

Исследования, представленные в диссертации, в разные годы осуществлялись в рамках ряда проектов, поддержанных российскими и зарубежными научными фондами: «Концепции жизненного мира и стратегии постметафизического мышления в современной философии (Гуссерль, Витгенштейн, Хайдеггер, Хабермас)» (РГНФ, 2005 – 2007, грант № 05-03-033889а); «Das Denken im Übergang“: Seinsgeschichtliches Denken in

nachmetaphysischem Kontext» (Исследовательская стипендия фонда Fritz Thyssen Stiftung, 2005); «Коммуникативное действие, этика дискурса, герменевтический диалог: перспективы интегральной теории коммуникации» (исследовательская стипендия Европейского гуманитарного университета; Вильнюс, 2005-2007).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов (четыре параграфа в первой главе, три во второй и два в третьей), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» предоставляется обоснование актуальности темы исследования, характеризуется степень теоретической разработанности темы, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, дается описание методологии исследования, формулируются выносимые на защиту тезисы, демонстрируется их новизна, характеризуется теоретическая и практическая значимость результатов исследования, описана их апробация.

В Первой главе «Герменевтическая трансформация феноменологии сознания» отстаивается тезис о постметафизическом характере феноменологической (философской) герменевтики, производится реконструкция основной проблематики феноменологии как философского проекта и ее систематической связи с проблематикой понимания и языка, осуществляется анализ важных для самосознания феноменологии методологических следствий, проистекающих из ее герменевтической трансформации.

В параграфе 1. «Экспозиция: Феноменология, герменевтика и постметафизическое мышление» вводятся основные понятия и темы

исследования, осуществляется экспозиция исторической перспективы исследования. Параграф состоит из двух подразделов: параграфа 1.1. и 1.2.

В параграфе 1.1. «Феномен, феноменальность и проблематика языка» в первом приближении изложена идея структурной связи между принципиальной тематикой феноменологического исследования (в качестве таковой в исследовании предлагается рассматривать не множественность «изначально данных» феноменов, а холистическую феноменальность) и логикой исторического развития феноменологической философии. Эта структурная связь находит свое выражение в корреляции между трактовкой предмета феноменологического исследования и его методологическим, а также институциональным самосознанием. Судьба гуссерлевского проекта во многом была предопределена первоначальной трактовкой феноменологического феномена как принципиально множественного, понимаемого в ориентации на идею материальной вещи и коррелятивную ей идею (по преимуществу визуального) восприятия. Соответственно, институциональное и методологическое самосознание гуссерлевской феноменологии как философского проекта – при всей его несомненной инновативности и радикальности – было ориентировано на образцы дисциплинарной организации знания 19 столетия (например, идея непосредственной данности, автономность и ригоризм методических процедур, их отстраненный «дескриптивизм» и т.д.).

Идея «феноменальности», разрабатываемая с самого начала в рамках проекта герменевтической трансформации дескриптивной, соответственно, рефлексивной феноменологии, привела в конечном итоге – таков один из основных тезисов настоящего исследования – к идее неинституционального характера бытования феноменологически ориентированной философии. Речь идет, прежде всего, об идее «бытийно-историчного мышления» и программе «герменевтики как практической философии» в поздних теоретических проектах Хайдеггера и Гадамера.

Изначальная ориентация на холистическую феноменальность, для тематизации которой в истории феноменологической герменевтики использовались различные понятия, такие, например, как «фактичная жизнь», «бытие-в-мире», «действенно-историчное сознание», потребовала существенных корректур и в трактовке феноменологического метода. Эти корректуры особенно заметны, если обратить внимание на статус проблематики языка в феноменологической философии.

Например, Гуссерль понимает феноменологическое «сущностное усмотрение» в своей концепции как, по сути, свободное от опосредованности со стороны языка и обусловленное лишь вневременными структурами трансцендентального *ego*. В отличие от рефлексивной феноменологии, относящейся к языку скорее как к препятствию, феноменология герменевтическая напротив с самого начала выдвигает тезис о наличии языкового измерения у любого человеческого опыта.

Однако следует подчеркнуть, что именно характерная для феноменологии ориентация на поиск непосредственного опыта мира позволила феноменологической герменевтике сформулировать ее важные тезисы относительно природы языка. Феноменологическая герменевтика проделала путь аналитической философии языка в обратном направлении: от проблематики мира к проблематике языка. Тесная связь проблематик мира и языка (понимание языка в первую очередь как среды, или медиума обнаружения мира, а не только его выражения) в дальнейшем привела феноменологически-герменевтический проект к последующим метаморфозам, нашедшим свое выражение – помимо прочего – в усилении тенденции к деинституционализации: от философского метода к прагматически мотивированной индивидуальной рефлексии и проблематике повседневного опыта.

В итоге, обыденные типы коммуникации и считавшиеся прежде маргинальными формы языкового опыта, такие как поэтические высказывания, ритуальные речевые практики, во все возрастающей степени

оказываются в центре внимания герменевтически ориентированных теоретиков последних двух десятилетий, и прежде всего самого Х.-Г. Гадамера.

В параграфе 1.2. «Метафизика, постметафизическое мышление и философская проблематика действия и языка» кратко и предварительно реконструируется актуальный историко-философский контекст, в котором в настоящем исследовании рассматривается феноменологическая герменевтика. Контекст задается идеей «постметафизического мышления», введенной в философский дискурс Юргеном Хабермасом в конце 1980-х годов. «Постметафизическое мышление» – своего рода термин-маркер, который не столько фиксирует состоявшийся факт, сколько задает перспективу для размежевания с традицией и дискуссий, нацеленных на придание максимально четкого профиля современному философскому мышлению.

К числу ключевых черт постметафизического мышления Хабермас относит следующие: лингвистический поворот, ситуированность разума, процессуальную рациональность, или фаллибилизм, а также дефляцию неповседневного, под которой следует понимать известную его тривиализацию и функционализацию.

Несмотря на то, что «постметафизическое мышление» имеет ряд исторических воплощений, оно, тем не менее, представляет собой скорее нормативное (или проективное), нежели дескриптивное понятие. Хабермас подчеркивает, что речь идет не столько о чертах, сколько о мотивах современного мышления. Как следствие, идея «постметафизического мышления» обретает полемический или даже «агональный» характер. Это обстоятельство находит свое выражение, например, в том, что отдельные попытки реализации этой идеи способны со своей стороны внести разноплановые и разномасштабные корректуры в саму ее первоначальную формулировку.

В схематичном очерке идеи и истории метафизического предлагается и обосновывается различие двух его форм: эксплицитной (ряд концепций, идентифицируемых в качестве метафизических) и имплицитной (габитуализированная перцептивная и мыслительная установка), а также двух версий его преодоления: негативной (полное отрицание и деструкция) и позитивной (критика и трансформация).

Феноменологическая герменевтика рассматривается в настоящем исследовании как «позитивный» постметафизический проект, во многих отношениях не только адекватно репрезентирующий, но и радикализующий ключевые черты современного философствования. Постметафизическая специфика феноменологической герменевтики может быть описана следующим рядом формальных черт:

– **Универсализм**, или холизм: трактовка человеческого (как теоретического, так и практического) опыта в аспекте его целостности в терминах единства, а не тотальности, что позволяет мыслить отношение к миру способного к мышлению и действию индивида, не помещая его вне фактических контекстов и связей самого мира. Отсюда вторая характерная черта: медиализм.

– **Медиализм**: в контексте настоящего исследования это понятие используется для позитивной характеристики идеи такой тематизации мира в целом, при которой сам «познающий» остается внутри этого мира, составляя его (крайне незначительную) часть. Парадоксальность этой идеи как раз и разрешается при помощи понятия медиума. Медиум здесь подразумевается не в смысле инструмента-посредника, в каком это понятие сегодня используют *media studies*, а в смысле среды, структурирующей (и всякий раз реструктурирующей) пространство опыта по всем направлениям.⁴ Посредством такого представления о медиуме удастся достичь двойного эффекта. Во-первых: *завершить* деструкцию субъектно-объектной

⁴ Аналогичное представление о медиуме можно найти у Джеймса Гибсона: Gibson, James J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. NYC: Psychology Press, 1986.

парадигмы, инициированную в философских движениях 20 века. Во-вторых: разрешить старую метафизическую проблему соотношения единого и многого, универсального и партикулярного, формального и материального. Роль такого медиума берет на себя языковая коммуникация, как она понимается в феноменологической герменевтике.

– **Перформативизм** – следствие и конкретизация предыдущей черты, медиализма. Перформативным следует характеризовать как сам коммуникативный медиум, так и способ тематизирующего доступа к нему. Первичный медиум (коммуникативного) опыта структурно связан с его исполнением. Коммуникативный, или герменевтический опыт разворачивается не в готовом пространстве, но сам имеет внутренне присущие ему пространственные черты. Пространство коммуникативного опыта (как первичного опыта мира, или феноменальности) доступно только в перспективе первого лица, как форма интерпретативного участия, представляющая собой специфический модус присутствия.

– *Комплексность/открытость* как одна из основных «постметафизических» черт имеет ряд измерений. Во-первых, комплексность, или открытость подразумевает в этой связи актуальность задачи налаживания «коммуникации» между различными версиями лингвистически инспирированной философии. Во-вторых, сегодня как никогда актуальна задача преодоления «лингвоцентризма» первоначального постметафизически ориентированного философского мышления. В-третьих, открытость постметафизического мышления распространяется и на саму метафизику. Прежде всего, ввиду разделяемого едва ли не всеми ведущими представителями современной философии тезиса о *фактической* невозможности окончательного преодоления метафизики.

В параграфе 2. «Дискретность рефлексии и холистичность феномена: внутренние противоречия дескриптивной феноменологии» осуществляется краткая реконструкция и критика основных предпосылок первоначального феноменологического проекта: дескриптивной

феноменологии перцептивных актов сознания. Параграф состоит из двух подпараграфов.

В 2.1. «Интенциональность и очевидность: мотивы и механизмы трансценденталистской трансформации феноменологии» осуществляется краткая реконструкция логики формирования основных принципов феноменологического трансцендентализма. Отправной точкой реконструкции служит различие «интенции значения» и «исполнения значения», предложенное Гуссерлем в первом томе «Логических исследований» и ставшее впоследствии основой для систематической разработки идеи «интенциональности». Примечательно, что взаимосвязь между интенцией значения и исполнением значения здесь анализируется на материале суждений (то есть речевых феноменов). Однако нормативный горизонт анализа задается визуальной метафорой очевидности, игравшей, как известно, важную роль в рационалистической философии 18-19 веков и восходящей к платоновскому представлению о мышлении как интеллектуальном, не опосредованном языком созерцании «идей».

Эта неотрефлексированная Гуссерлем «диалектика» интенциональности и очевидности задает – таков основной тезис параграфа – динамику и направление дальнейшего развития феноменологической философии. С одной стороны, интенция значения (не только «исполненная», но и «пустая», или «сигнитивная», не получающая конкретизацию в наглядном созерцании какого бы то ни было рода), будучи принципиальным источником зримости, обуславливает любое созерцание, в том числе очевидность.

Очевидность в таком случае выполняет «квалификационную», или *регулятивную* функцию: следуя сложно мотивированной «интенции значения», мы в рефлексии стараемся зафиксировать ее структурные особенности. Примечательно, что в «Логических исследованиях» Гуссерлю еще не требуется различение естественной и феноменологической установок. Анализ «интенциональной активности сознания» описывается как

«внутримировой» процесс формирования феноменальности. «Интенция значения», будучи источником любой явленности и зримости, не может заранее определяться в терминах сложившихся форм визуального опыта.

Однако именно это и происходит, когда очевидность обособляется от спонтанности и многообразия актов смыслопридания, беря на себя нормативную и конститутивную функцию, становясь базовым компонентом феноменологической методологии. При этой трансформации очевидность утрачивает свой общий и *формальный* смысл рефлексивного сопровождения процессов раскрытия «феноменологических данных» и получает *специальный* смысл, конкретизированный впоследствии в комплексе методологических процедур, в системе феноменологических редукций.

При этом очевидность (трактуемая в ориентации на модель визуального восприятия), становится телеологическим принципом, определяющим в конечном итоге идею феномена. Феномен отныне заранее определяется в терминах непосредственной наглядной данности (неизбежно партикулярных объектов), что ведет к упущению вопроса о холистической феноменальности, доступной прежде всего в разнообразных коммуникативно-речевых опытах.

Таким образом, *регулятивный* и *конститутивный* аспекты гуссерлевского понятия очевидности оказываются двумя полюсами, в роли переходного звена между которыми выступает очевидность в смысле истины.

Первоначально, очевидность у Гуссерля выполняет функцию формально-принципиальной характеристики интенциональности. Очевидность в этом случае идентична самоданности вещи. Она образует отличительную черту феноменологического понятия феномена по отношению к «натуралистическому» понятию феномена. Так понимаемая (1) очевидность интенциональности (очевидность как эффект интенциональности) составляет источник (2) очевидности как когнитивного принципа, которая в свою очередь служит фундаментом (3) очевидности как телеологического принципа экспликации интенциональных связей. Таким

генезис трансцендентальной феноменологии, реконструируемый по «путеводной нити» идеи очевидности.

В более широком историко-философском контексте, охватывающем феноменологические исследования в целом, основываясь на сказанном, можно сформулировать следующий тезис: в «Логических исследованиях» заключена возможность более радикальной трактовки феноменологического понятия феномена и эта возможность в значительной мере реализуется уже в ранних лекционных курсах Хайдеггера. Хайдеггер восприимчив к присущей феноменологической философии тенденции к формированию иного понимания научности. Об этом, например, свидетельствует первый лекционный курс Хайдеггера, прочитанный им в начале 1919 года. В этом лекционном курсе он развивает идею феноменологии как «изначальной нетеоретической науки о фактической жизни». Спустя четыре года, эта идея будет развита Хайдеггером в программу «герменевтики фактичности», которая в методологическом отношении нацелена не на верификацию «данного», а, напротив, на устранение всякого вмешательства «интерпретатора» в процесс спонтанного «само-обнаружения» первичных феноменов и, прежде всего, самой феноменальности.

В 2.2. «Понятие мира и холистическая трактовка феномена в трансцендентальной и герменевтической феноменологии» специфика и противоречия первоначальной трактовки феномена в феноменологической философии обсуждаются в контексте ключевой для феноменологии темы, – в контексте проблематики мира. Фоном для обсуждения служит концепция мира, разработанная М. Хайдеггером в его ранних фрайбургских и марбургских лекциях (1923-1925) и систематически изложенная в работе «Бытие и время». Основная задача параграфа – выявить типологические черты концепций феномена мира, разработанных в рефлексивной и герменевтической версиях феноменологической философии и сопоставить их, дабы на основании этого сопоставления реконструировать внутреннюю логику развития центральной проблематики феноменологии, – проблематики

радикального переопределения идеи феномена и проистекающих из этого переопределения разнообразных теоретических следствий.

Проблематика мира – и в этом согласны представители как дескриптивной, так и герменевтической феноменологии – составляет центральную проблему феноменологии как философского проекта. Вопрос о «целом» когнитивного опыта и его «содержаний» не может быть обойден в радикальной философской концепции, на статус которой феноменология, вне всяких сомнений, претендовала. С другой стороны, проблематика «целого» имеет важное методологическое значение для феноменологии, поскольку представляет собой своего рода конкретизацию вопроса о предметном континууме, составляющем основную тему феноменологии и способном обосновать ее методическую и институциональную специфику. Другими словами: радикальная постановка вопроса о феномене не может не трансформироваться в проблему феноменальности, особенно если учитывать последовательный «интуитивизм» феноменологического проекта.

Ключевой вклад феноменологии в философскую проблематику мира и вместе с тем отправная точка для систематического размежевания дескриптивной и герменевтической версий феноменологии – различие двух базовых представлений о мире: мир как **совокупность** объектов и «положений дел» и мир как **горизонт** перцептивного опыта.

Идея мира как горизонта исполнения любого перцептивного опыта – одна из революционных новаций феноменологии, позволившая, помимо прочего, по-иному взглянуть на проблему соотношения партикулярного и универсального.

Для Гуссерля – в его трансценденталистский период (начиная с 1910-х годов) – горизонтная, или потенциальная интенциональность конкретизирует актуальную интенциональность (наполненный чувственным содержанием акт интенционального сознания). Говоря иначе, начиная с «Картезианских медитаций», Гуссерль утверждает континуум между партикулярным актом

сознания и универсальным, потенциальным горизонтным сознанием, постулируя онтологический и генетический приоритет второго над первым.

Этот приоритет выражается в частности в тезисе Гуссерля о структурной и содержательной связи между различными типами горизонтного сознания: внутренним, внешним и универсальным горизонтами. Эти горизонты – согласно концепции Гуссерля – встроены друг в друга (локальные формы встроены в более масштабные и, в конечном итоге, в единый, универсальный горизонт мира) и образуют своего рода ступени конкретизации смысловых содержаний интенционального сознания. Однако – таков наш тезис – вместо содержательной конкретизации опыта при движении от внутреннего к универсальному горизонту мы сталкиваемся с нарастающей формализацией: уже «внутренний» горизонт – горизонт потенциальных восприятий единичной вещи – представляет собой перцептивное предвосхищение ее свойств как конкретной пространственной вещи, что не тождественно элементам, составляющим ее «смысл». Вывод: декларировав, приоритет потенциального (горизонтного) сознания над актуальным, Гуссерль тем не менее выводит первое из последнего, которое при этом скроено по модели сфокусированного визуального восприятия, характеризующегося известной долей абстрактности. Если не сводить «смысл» вещи к чувственно воспринимаемым пространственным характеристикам, гуссерлевские экспликации остаются внешними и крайне абстрактными.

В герменевтической феноменологии, напротив, восприятие единичной пространственной вещи возможно только как результат абстрагирующей модификации изначально холистического опыта «имения дела» с системой инструментальных предметов в конкретном прагматической контексте. В отличие от дескриптивной феноменологии, феноменология герменевтическая рассматривает горизонтность мира как подлинную *актуальность*, удостоверяющую себя в любом до-теоретическом опыте. Для герменевтической феноменологии парадигматическая форма перцепции – не

тематическое восприятие, а «озабоченная осмотрительность», характеризующаяся, помимо прочего, «растворенностью» воспринимающего субъекта в мире (до-теоретических повседневных практик).

Мир, в герменевтически-феноменологическом понимании, действительно выполняет роль конкретизирующего принципа: предметный «смысл» воспринимаемого всякий раз конкретизируется в направлении прагматических взаимосвязей мира, раскрываемых и стабилизируемых комплексной (как телесной, так и ментальной) активностью человека. В итоге, также удастся совместить холизм и принципиальный «интуитивизм» феноменологии как радикальной формы философствования. Это совмещение основывается на идее перформативного медиума как первичной среды человеческого опыта.

В параграфе 3. «Феноменальность и медиальность: рефлексивная феноменология в контексте проблематики образа и языка» речь идет о верификации тезиса о фундаментальном значении идеи медиальности для феноменологии уже в ее первоначальной – дескриптивно-рефлексивной – версии. Параграф включает в себя две части.

В 3.1. «Интенциональность и медиальность: взаимосвязь имагинативного и когнитивного в трансцендентальной феноменологии» ставится вопрос о невысказанных предпосылках феноменологической идеи восприятия, принятие которых во внимание, неизбежно привело бы к существенной трансформации самопонимания феноменологического проекта.

К числу таких предпосылок, находящихся вне сферы действия теоретического самосознания и методологических процедур рефлексивной феноменологии, относится фактор (холистического) воображения, на котором базируется гуссерлевская идея конституирующей функции (дискретного) интенционального акта.

Сама «конstellация» интенциональной жизни сознания должна быть воображена «целиком» до того, как появится возможность анализа

партикулярных интенциональных актов. В этом отношении имагинация оказывается своего рода невысказанной трансцендентальной предпосылкой трансцендентальной рефлексии. Косвенно наличие этой «трансцендентальной» предпосылки подтверждается и самим Гуссерлем: ряд предпринятых Гуссерлем серьезных корректур, касающихся фундаментального определения феномена, указывают – такова одна из гипотез настоящего исследования – на своего рода «двойное зрение», характерное для феноменологической рефлексии. С одной стороны, феноменологическая рефлексия когнитивна и методична, а с другой стороны, спонтанна и, по сути, имагинативна. Строго говоря, мы можем различить три типа восприятия, присутствующие в феноменологии в различных модусах (от тематичности до имплицитности) и выполняющие различные функции: 1) эмпирическое восприятие, 2) феноменологическая рефлексия и 3) до-рефлексивная имагинация. В соответствии с этими тремя типами восприятия, в феноменологии присутствуют и три основных типа содержаний: 1) объекты восприятия, осуществляемого в рамках «естественной установки», 2) «данности специфически-феноменологического сущностного созерцания» и 3) холистический образ, в рамках которого – в результате его дифференциации – складываются те или иные представления о феноменологическом опыте и его структурных элементах; при этом специфически имагинативные истоки и содержания этого представления последовательно выносятся «за скобки».

Характерны при этом редкие попытки систематического анализа образных содержаний/объектов, предпринятые дескриптивной феноменологией (например, в «Идеях 1»). Различая такие элементы образа, как объект образа, сюжет образа и изображенное, Гуссерль, как ни странно крайне близок семиотической трактовке образа в качестве знака, выступающего своего рода посредником между воспринимающим и воспринимаемым. Однако различение изображения и изображенного это не предпосылка анализа опыта восприятия образа, а *эффект* этого опыта.

В итоге, попытки феноменологического анализа конкретных восприятий образа убедительно демонстрирует недоступность, «трансцендентность» и одновременно «трансцендентальность» имажинативного по отношению к феноменологически-дескриптивным исследовательским стратегиям. Образ – не знак или артефакт, а медиум или среда перцептивного опыта.

В 3.2. «Комплементарность феноменологической и аналитической перспектив в контексте проблемы соотношения мира и языка» предлагаемая нами идея перформативного медиума, а также ее основополагающее значение для феноменологической философии демонстрируются и конкретизируются на материале продуктивных отношений между феноменологией и современной философией языка. Эта продуктивная взаимосвязь стала возможной в последние два-три десятилетия, благодаря тому, что феноменология и аналитическая философия стали важными составляющими и теоретическими ресурсами процесса формирования исторического и систематического самосознания современной философии, ассоциируемой зачастую с формулой «постметафизическое мышление».

Одна из центральных тем постметафизического мышления – проблематика соотношения мира и языка – ведет на дисциплинарном уровне к известной гибридизации философских теорий: (1) теория языка объединяется с теорией восприятия, или сознания, с одной стороны, и (2) с теорией социального взаимодействия, с другой. Тем не менее, и в рамках подобных гибридных, или комплексных, образований по-прежнему сохраняется дифференциация на различные теоретические позиции (например, различие (1) и (2)), в зависимости от того, какой тип опыта наделяется статусом парадигмы: (1) опыт (базирующейся на зрении) перцепции или (2) опыт (основывающегося на слухе) диалогического взаимодействия. Как следствие, в рамках аналитической традиции наблюдается – более или менее отчетливое – разделение философии языка и

философии сознания; в рамках феноменологической традиции феноменологии восприятия и феноменологии языка, или дескриптивной и герменевтической феноменологии. Таким образом, невзирая на попытки преодоления взгляда на соотношение мира и языка как двух отдельных регионов, они – в той или иной степени – по-прежнему разделяются. Однако это (онтологическое) разделение не следует путать с (аналитическим) различием.

Этой дифференциации соответствует – или, скорее, в ее основании лежит – различие двух основных способов «открытости миру»: перцепции и языковой коммуникации. В качестве основных теоретических подходов к этим способам «открытости миру» мы рассматриваем феноменологию восприятия (от Гуссерля до Макдауэла) и языковую прагматику (от Витгенштейна до Брэндома), соответственно. Оба эти подхода нацелены на преодоление онтологической дистанции между перцептивным и языковым формами опыта: если языковая прагматика рассматривает различные формы «лингвистического» поведения как стратегии интервенции в социальный мир (а не только как формы его «символического выражения»), феноменология восприятия нацелена на раскрытие смыслового измерения перцептивного опыта.

Эвристический потенциал этих линий современной, постметафизической философии раскрывается, с нашей точки зрения, лишь в случае их «интерференции», тенденция к которой потенциально заключена в каждой из них. Теоретическим основанием такой «интерференции» способна выступить идея «градуального» характера различий между языковым и неязыковым, а также «топологический фундамент» этой идеи: модель перформативного медиума, который в текущем контексте конкретизируется во взаимосвязи двух измерений – вертикального (измерение аудиально-языкового и визуально-перцептивного) и горизонтального (измерение многообразных форм социальных практик, опирающихся на интегрированные в них перцептивные и/или вербальные акты). Применение

этой модели – таков один из тезисов настоящего исследования – позволяет не только преодолеть характерное затруднение современной (постметафизической) философии, связанное с категориальным различием восприятия и языка, но и наметить перспективы для последовательного развития принципиальных новаций дескриптивной феноменологии.

В параграфе 4. «Самосознание феноменологической философии в контексте «герменевтического поворота»: от дескриптивной феноменологии перцептивного сознания к перформативной феноменологии языкового опыта» осуществляется очерк институциональных, тематических и методологических следствий «герменевтического поворота» дескриптивной феноменологии, отстаиваемого в настоящем исследовании в качестве внутренней необходимости феноменологии как философского проекта. Параграф состоит из двух частей.

В 4.1. «Феноменология как тематизация и как эффект повседневности» эта необходимость и проистекающие из нее следствия обосновываются в три этапа, в качестве пояснения к трем выдвигаемым тезисам. Первый из них: ранний универсализм и позднейшая философская «скромность» феноменологии – результат различных, и притом диссонирующих акцентов, один из которых методический, а другой тематический. Иными словами, речь идет об акценте на дескриптивной исследовательской стратегии, с одной стороны, и исследованиях интенциональности, с другой. Второй тезис: диссонанс между методологическим и тематическим аспектами феноменологии (а также их известная автономия друг от друга), как мы полагаем, имеет решающее значение для становления основной линии в развитии феноменологической философии. Третий: первоначальная тематическая ориентация феноменологии приводит ее в конечном итоге к методологической и институциональной трансформации.

Обоснование трех этих тезисов проистекает из следующих черт феноменологической философии, более детально проанализированных в предшествующих разделах настоящего исследования: двойственность/двусмысленность в феноменологической идее феномена, негативность феноменологического метода, открытость (феноменология не столько исследования замкнутой области, сколько открытый проект, следующий за различными формами спонтанного самообнаружения первичной феноменальности).

Двойственность феноменологической идеи феномена находит свое выражение в наличии двух аспектов, которые хотя и взаимосвязаны, однако в своей взаимосвязи остаются дескриптивной феноменологией неотрефлексированными: партикулярный феномен и холистическая феноменальность.

Негативность феноменологического метода заключается в том, что он не столько делает первичную феноменальность впервые доступной в качестве предмета опыта, сколько устраняет препятствия для ее спонтанного самообнаружения в повседневности, – спонтанного в смысле не регламентируемого специальными методическими процедурами.

В 4.2. «Событие и метод: философская герменевтика в контексте «феноменологического движения» соотношение методичности и спонтанности в феноменологии становится темой в контексте реконструкции исторического места феноменологической герменевтики в «феноменологическом движении», которое рассматривается не столько с исторической, сколько с систематической точки зрения, – точки зрения логики развития основной проблематики феноменологической философии. Эта логика характеризуется некоторой парадоксальностью.

Парадоксальность логики развития феноменологического движения, которая, как нам кажется, при достаточно либеральном понимании феноменологии, демонстрирует немало точек пересечения с ее «реальной» историей, выражается в постепенно нарастающей – и продолжающей

нарастать – склонности феноменологии к самоустранению как дисциплины. И даже если эта тенденция никогда не придет к своему завершению, мы можем (или даже должны) уже сегодня исходить из идеи принципиально двухуровневого характера феноменологии: феноменология, с одной стороны, как методически обеспеченная дисциплина и, с другой, как событие. Двум этим уровням соответствуют две различные, хотя и взаимосвязанные, стратегии образования «поля феноменологического опыта», понимаемого как процесс «феноменологизации». При этом спонтанная феноменологизация (до-теоретические формы феноменологически релевантного опыта) обладает функциональным и онтологическим приоритетом по отношению к методической феноменологизации: методическая феноменологизация нацелена на понятийную артикуляцию до-теоретического опыта «первично данного», который – согласно предлагаемой в настоящем исследовании терминологии – представляет собой перформативный медиум (динамическую сферу первичной артикуляции мира).

В этом контексте герменевтическая феноменология – с ее акцентуацией фактичности, бытия в мире, до-рефлексивного герменевтического опыта – представляет собой позитивную реализацию логики феноменологического исследования, признающей непреодолимое напряжение между вышеупомянутыми уровнями «феноменологизации».

В итоге, одно из важнейших дисциплинарных/институциональных следствий предложенной реконструкции – смягчение радикального методологизма ранней феноменологии (а также всей ее «дескриптивистской» линии), нашедшее свое наиболее последовательное выражение в ранней феноменологии Хайдеггера, а также в философской герменевтике Гадамера и философских доктринах, с ней ассоциированных (например, концепции Ваттимо, Рорти, Фигаля и других). Более детально связь герменевтической феноменологии с до-теоретическими формами опыта и проистекающие из нее теоретические и практические следствия рассматриваются в шестом параграфе.

Во **Второй** главе «Перформативный медиум как парадигма феноменологической герменевтики» осуществляется систематическое обоснование идеи перформативного медиума как базовой модели феноменологической философии, понимаемой в перспективе «герменевтической трансформации», диктуемой внутренней логикой развития феноменологии как философского проекта (не как дисциплинарно нейтральной дескриптивной методологии).

В параграфе **5.** «Постметафизические импликации медиалистской парадигмы» идея перформативного медиума конкретизируется в более широком историко-философском контексте, прежде всего, в контексте трансцендентализма. Параграф состоит из двух частей.

В **5.1.** «Очерк идеи слабого трансцендентализма: от реляционного трансцендентализма к медиальному» развитие феноменологической философии – от Гуссерля к Гадамеру – помещается в контекст философского трансцендентализма, который в свою очередь рассматривается в горизонте идеи «постметафизического мышления». Трансцендентализм выступает в этой связи своего рода важным связующим звеном между традиционной – метафизической – и специфически современной – постметафизической – философией.

Наиболее чистым выражением метафизической традиции трансцендентализм делает претензия на эксклюзивный доступ к главному предмету интереса философских исследований – миру. В разработке «исходного» понятия мира, лежащего в основании как повседневного так и научного опыта, а также особых способов доступа к этому миру состоит «сила» трансцендентализма. «Сильный», или последовательный трансцендентализм исходит из — во многих отношениях революционной — идеи продуктивного характера человеческого восприятия. Однако этот апофеоз человеческой креативности оплачивается в классическом трансцендентализме ее деиндивидуализацией. Выражение трансцендентальный в этом контексте имеет со времен Канта помимо

когнитивного еще и «топологическое» значение: субъект, «конституирующий» в своих познавательных переживаниях видимый мир, сам располагается за его пределами, в одномерном пространстве мышления.

Вместе с тем ряд ключевых мотивов трансцендентализма послужили на рубеже веков пусковым механизмом трансформационных процессов, приведших в конечном итоге к возникновению в философии масштабного антитрадиционалистского движения. К числу этих мотивов относятся, прежде всего, утверждение субъективного как мирораскрывающего и связанная с ним универсализация перспективизма. Интеграция этих мотивов — конституции и перспективизма — послужила отправной точкой для разработки и утверждения идеи плюрализма «конституирующих активностей» и их локализации не за пределами мира, а в его средоточии, в повседневных практиках. Эту — постметафизическую — версию трансцендентализма мы предлагаем именовать «слабой», которая в отличие от «сильной», реляционной версии, заслуживает обозначения «медиальной».

Для реляционного трансцендентализма характерна имплицитность топологического мотива, для медиального, напротив, — его явность и акцентированность. Первый понимает трансцендентальное как отношение (реляцию) между двумя элементами (конституирующим и конституированным), второй — как пребывание в своего рода насыщенной генеративной среде: перформативном медиуме.

Любая реляция располагается всякий раз в некотором медиуме-среде, оказывающем на нее определяющее воздействие и при этом никогда не становящемся для нее темой в качестве себя самого. Медиальность в этом случае — это своего рода нейтральная, вернее нейтрализованная территория, низведенная до индифферентного и неприметного вместилища интенциональных актов. Нейтрализация в этом контексте — не уничтожение, а определенное кондиционирование медиума.

В отличие от реляционного трансцендентализма, основывающегося на представлении о сети отношений, медиальный трансцендентализм исходит из

модели плотной артикулированной среды, представляющей собой не воображаемую область по ту сторону зримого мира, а, напротив, средоточие посюстороннего.

Идея перформативного медиума обретает свой профиль на фоне и в контексте 4-х наиболее распространенных представлений о медиуме: медиум как 1) формальное «между», как 2) объект-посредник, 3) субстрат-посредник и 4) первичная сфера, в которой только и возможны различные дифференциации на объекты и регионы.

В итоге, по сравнению с реляционной моделью, модель медиальная обладает рядом преимуществ, делающих ее крайне продуктивной для постметафизической трансформации феноменологического трансцендентализма. К ее структурным отличительным чертам относятся: 1) «плотность» (представление о сфере феноменологического опыта как «наполненном» целом, а не как своего рода «пустом пространстве» для интенциональных актов); 2) артикуляционный характер (не акт смыслопридания, а артикуляция пространства опыта, затрагивающая самого «субъекта»; «определение предмета» как самоопределение субъективности); 3) «горизонтальность/горизонтность» «конституирования» (в медиальном трансцендентализме конституирование понимается не как действие, а как своего рода вовлеченное участие); 4) нерегиональная топика (перформативный медиум как то что доступно лишь «изнутри» и никогда «снаружи»).

«Слабый», или медиальный трансцендентализм в различной степени воплощен в ряде современных философских позиций, таких как неопрагматизм, философия повседневного языка, теория коммуникативного действия, философская герменевтика. В итоге, модель медиального трансцендентализма способна выступить основой продуктивного диалога между феноменологической и иными современными философскими доктринами.

В 5.2. «Герменевтическая феноменология в перспективе теории медиа» медиалистская парадигма герменевтической феноменологии разъясняется в перспективе медиа-теории, по определению исследующей эксплицитные формы и типы медиальности: от технических инструментов до культурных техник и «новых медиа». В параграфе формулируется гипотеза, согласно которой герменевтическая феноменология и современная медиа-теория представляют собой совместимые и, более того, близкие по своим базовым предпосылкам и исследовательским задачам теоретические доктрины. Однако более важная часть упомянутой гипотезы: рассмотрение герменевтической феноменологии и теории медиа в едином контексте способно внести существенный вклад в прояснение и развитие основной проблематики обеих дисциплин. Гипотеза конкретизируется и обосновывается в процессе формулировки и обоснования пяти взаимосвязанных тезисов:

1) Проблематика медиальности внутренне присуща феноменологическому исследованию, соответственно, его внутренней логике развития, а не навязана ему извне.

2) Первичная (холистическая, медиальная) феноменальность представляет собой точку пересечения материального и смыслового.

3) Генезис феноменологически-герменевтической постановки вопроса, рассмотренный в перспективе идеи перформативного медиума, задает направление для уяснения специфики феноменологически-герменевтической трактовки смысла и языка.

4) Своеобразие феноменологически-герменевтического «медиализма» становится наиболее рельефным, если мы рассматриваем его на фоне понятий медиума, циркулирующих в современных дискуссиях вокруг проблематики медиа: медиум как (1) (непроницаемый) инструмент манипуляции, как (2) («пористый») эксплицитный коммуникативный посредник и как (2) (проницаемая) имплицитная среда явления.

5) Современная теория медиа и медиалистски инспирированная и ориентированная феноменология дополняют друг друга. Первая предоставляет парадигму и основные понятия, вторая обеспечивает новую – топологически ориентированную и феноменологически фундированную – систему отсчета.

В параграфе 6. «Между речью и действием: трактовка языка в герменевтической феноменологии Хайдеггера» речь идет о способности перформативного медиума как базовой парадигмы герменевтически трансформированной феноменологии «снимать» в себе категориальное противопоставление действия и языка.

В 6.1. «Феноменология как экзистенциальная практика» характерная для герменевтической феноменологии взаимосвязь теоретического и практического, универсального и индивидуального прослеживается в рамках очерка развития философского проекта М. Хайдеггера, основателя герменевтической линии в феноменологии. В параграфе осуществляется краткая реконструкция истории трансформаций хайдеггеровского понимания институционального статуса философии. Сквозной мотив этих трансформаций – фигура «прыжка» (Sprung) как принципиального условия возможности инициирования феноменологического опыта как формы познания по ту сторону традиционного разделения эпистемологически-теоретического и этико-практического. В этом мотиве, как мы полагаем, находит свое выражение присущая феноменологии Хайдеггера тенденция к имманентной «прагматизации», или к идее практической философии.

Путь, который в тематическом отношении прошла герменевтическая феноменология Хайдеггера, обозначен двумя «вехами», двумя основными понятиями раннего и позднего периодов его философствования: «жизненным миром» и «историей бытия»: жизненным миром как проблемным полем герменевтической феноменологии и историей бытия, разворачивающейся внутри и в качестве самого философствования.

В своем развитии самопонимание герменевтической философии прошло три этапа. Она понимала себя как (1) фундаментально-философское исследование, как (2) онтологически релевантное индивидуально-экзистенциальное самопознание и как (3) деяние, образующее структурный момент трансцендентальной истории. Этим этапам соответствуют три самоименования герменевтической феноменологии: 1) до-теоретическая изначальная наука о жизненном мире (или герменевтика фактичности), 2) фундаментальная онтология и 3) бытийно-историчное мышление.

Из представленного в параграфе очерка развития самопонимания философии Хайдеггера проистекают следующие выводы:

1. Мотив «прыжка», характерный для методологического самосознания герменевтической феноменологии, проистекает из общей методологической установки феноменологической философии. Феноменология с самого начала была ориентирована на преодоление любого рода дистанции по отношению к «являющемуся». С этой точки зрения «прыжок в бытие», рассматриваемый Хайдеггером как феномен в феноменологическом смысле, – лишь устраняет теоретическую установку, являющуюся последним препятствием на пути к «самой вещи».

2. Выражаемое в фигуре «прыжка» методологическое самосознание герменевтической феноменологии включает в себе тенденцию к институциональной трансформации первоначального феноменологического проекта. Постепенно феноменология утрачивает статус «исследования», становясь структурным моментом самих феноменологических, или изначальных, феноменов.

3. С этой точки зрения, (событийная) герменевтическая феноменология оказывается особой формой участия в историчной динамике изначальной медиально-трансцендентальной сферы, в то время как (научная) феноменология сознания представляет собой своего рода экспликацию экспликации.

4. Обращенное к феноменологически ориентированному «исследователю» методологическое требование «участия» в «исследуемом предмете» ведет к «прагматизации» и «индивидуализации» феноменологической философии. Не выходя за рамки первоначальных методологических принципов и основополагающих тематических ориентиров феноменологии, философствование Хайдеггера являет себя как радикальное самопознание индивида, содержащее не столько эпистемологически-теоретические, сколько экзистенциально-этические импликации.

5. Феноменология становится формой опыта, не ограниченного рамками дисциплинарного исследования. В этом отношении отстаиваемая Гадамером специфика «неметодического познания» тесно связана с внутренней логикой развития феноменологии как формы философствования.

В 6.2. «Хайдеггер и философия языка» исследуется влияние прагматического/перформативного поворота феноменологии – наметившегося еще в дескриптивной феноменологии и обретшего эксплицитные формы в герменевтической – на принципы формирования понятий в герменевтически-феноменологическом исследовании. Основная проблема, с которой сталкивается герменевтическая феноменология в контексте задачи выработки адекватного понятийного инструментария – непригодность теоретических понятий (выполняющих функцию объективирующей абстракции) для выражения до-теоретического характера феноменологически-герменевтической «интерпретации», или того, что Хайдеггер в своем первом лекционном курсе (начало 1919 года) называет «герменевтической интуицией». Иными словами, в этом случае мы имеем дело с «лингвистической» конкретизацией базового – если можно так выразиться, «дисциплинарного» – затруднения герменевтической феноменологии: идеей до-, а вернее не-теоретической науки, сформулированной Хайдеггером в его ранних лекционных курсах.

Ключевым здесь оказывается основополагающее для герменевтической феноменологии различение двух типов значения, или смысла (хотя и не в

предлагаемой нами терминологии): перформативный смысл, с одной стороны, и экспликативный, с другой. В итоге, герменевтически-феноменологическая проблема понятия оказывается проблемой языка, формулировка которой во многом сходна постановкам вопроса в (существенно более поздней) аналитической философии обыденной речи (Г. Райл, Дж. Остин, Л. Витгенштейн).

Во многом предвосхитив идею Витгенштейна об изначальности и неразложимости неразрывной связи лингвистического и практического, Хайдеггер рассматривает смысловое как интегральную часть фактического, т.е. до-теоретического «бытия-в-мире». Однако в отличие от Витгенштейна Хайдеггер эксплицитно ставит вопрос о характере и статусе необъективирующего высказывания в контексте научного дискурса.

С этой целью в его ранний период им была разработана идея «формального указания», – способ формирования философских понятий, противопоставляющий себя двум основным способам образования понятий в науках: формализации и генерализации.

«Формальное указание» локализует значение в трех отношениях и выполняет по преимуществу «деструктивную», или, по выражению Хайдеггера «прохибитивную» функцию. Три отношения (или измерения) смысла – «содержательный смысл» (Gehaltssinn), «реляционный смысл» (Bezugssinn) и «перформативный смысл» (Vollzugssinn) – нацелены на блокирование объективирующего эффекта понятия, состоящего в обособлении содержательного (или пропозиционального) аспекта. Основная задача «формального указания» – обеспечить необъективирующий (холистический и перформативный) характер феноменологического высказывания, которое представляет собой не описание процесса раскрытия первичных феноменов, а необходимую и интегральную часть этого процесса.

Это напряжение между методическим и перформативным измерением остается одной из базовых отличительных черт герменевтической феноменологии, понимающей феноменологический опыт (процесс

«феноменологизации») в ориентации не на модель отношения, а на модель медиума в смысле всеобъемлющей плотной среды, «плотность» которой состоит в переплетении материального и смыслового, лингвистического и практического.

В параграфе 7. «Медиалистская концепция языка в феноменологической герменевтике» влияние (пусть и не всегда артикулированной терминологически) медиалистской парадигмы на развитие проблематики феноменологии прослеживается на материале герменевтического проекта Ханса Липпса и основателя философской герменевтики Ханса-Георга Гадамера. Уже у Липпса («Исследования по герменевтической логике», 1938), не говоря о Гадамере, мы находим важные для нашей проблематики тезисы о (воплощенном в социально-коммуникативных, а также телесных контекстах и связях) языке как среде, уникальной для осуществления ряда ключевых социальных практик. Важнейшая характеристика постхайдеггерианской герменевтической феноменологии – стремление к последовательному преодолению центрального для мышления Хайдеггера разделения онтологического и онтического «понимания бытия» и «понимания мира», другими словами – стремление к пониманию повседневности не только как продукта «конституирования», но и его (конституирования) пространства. Параграф включает в себя два подпараграфа.

В 7.1. «Ханс Липпс и Ханс-Георг Гадамер: язык как медиум коммуникативного действия» феноменологически-герменевтическая концепция языка рассматривается в контексте теории речевых актов (на примере, Дж. Остина и позднего Л. Витгенштейна), одна из ключевых черт которой – идея структурной связи семантики и прагматики. Эта связь, в свою очередь, конкретизируется в двух основных аспектах: 1) перформативность речевой коммуникации (интегрированность в прагматические контексты) и 2) ее специфическая пространственность, служащая в известной мере «интерфейсом» между миром и языком, эксплицитно лингвистическими и

лингвистически детерминированными социальными действиями. В итоге, речь идет о двух базовых категориях – перформативность и медиальность, – которые задают систему координат для продуктивного сопоставления аналитической и феноменологически-герменевтической версии концепции речевых актов.

Для аналитической теории речевых актов характерна недостаточная степень артикуляции отношения между двумя этими аспектами речевых действий: перформативным и топическим (или медиальным). Например, в то время как Витгенштейн ставит акцент скорее на втором, Остин подчеркивает основополагающую функцию первого. Однако оба они в равной степени придерживаются последовательного экстернализма, рассматривая язык как форму социально значимого действие **В** мире, а не как форму информирования **О** таких действиях. Иными словами, понимание языковых выражений во многих случаях подразумевает не формирование соответствующего представления в сознании, а направленное вовне действие.

Из понимаемого таким образом прагматического аспекта языка проистекают конститутивные для современной теории языка следствия: 1) приоритет «содержательно-фактичного» измерения языкового опыта перед «формально-структурным» (несоизмеримость различных «языковых игр»), 2) экстернализм и интерсубъективность языковых значений, 3) холизм и 4) итеративность коммуникативной речи (переплетенность с социальными ритуалами).

И если аналитическая перспектива более отчетливо артикулирует перформативный аспект речевого феномена, то сильная сторона герменевтически-феноменологической перспективы – артикуляция пространственного, или топического (медиального) аспекта.

В параграфе предлагается терминологически различать два взаимосвязанных типа медиальности, один из которых подразумевает интеграцию смысловых содержаний в различные материальные среды (визуальные, аудиальные), другой – специфическую пространственность

языкового взаимодействия. Первый тип мы предлагаем обозначить как «материальную медиальность», второй – как «спекулятивную медиальность».

Важный – и на сегодня нуждающийся в актуализации – ресурс осмысления пространственного измерения коммуникативной речи (спекулятивной медиальности) – «Исследования по герменевтической логике» (1938) Ханса Липпса. Подобно Хайдеггеру Липпс рассматривает язык как форму «раскрытия мира». Однако в отличие от него наделяет «мирораскрывающей» функцией формы обыденной речи. Ключевой момент в подходе Липпса – утверждение языка как специфического пространства социального действия: «Язык не является простой передачей чего-то, что, будучи всего лишь «выраженным», никак не менялось бы. Слово как раз меняет ситуацию, поскольку оно ее разрешает».⁵

В итоге речевое поведение как акт и как перформанс маркируют собой спектр возможностей для реализации специфической медиальности речи. В рамках этого спектра возможно продуктивное сопоставление и организация в интегральную модель различных форм языковой прагматики (в ее аналитической и феноменологической версиях).

В 7.2. «Трансформация философской герменевтики: от обоснования гуманитарных наук к феноменологии чтения» исследуется влияние идеи медиальности на развитие философской герменевтики Гадамера, эксплицитно понимающей себя в качестве части философского проекта герменевтической феноменологии. Усиление «фактора медиальности» в феноменологически-герменевтических рефлексиях Гадамера – ключевой элемент тематического сдвига в философской герменевтике на рубеже 1970-х – 1980-х годов.

Следуя терминологии самого Гадамера, в дисциплинарном отношении этот сдвиг можно обозначить как переход от философской герменевтики («Истина и метод», 1960) к герменевтической философии (статьи 1980-х –

⁵ Lipps H. Untersuchungen zu einer hermeneutischen Logik. Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 14.

2000-х годов). В тематическом отношении наблюдается своеобразная конкретизация и сужение предметного поля: от масштабных вопросов об истине в гуманитарных науках и базовых структурных чертах человеческого опыта мира (идея универсальности герменевтического опыта) Гадамер переходит к «локальной» проблематике литературы (которой в «Истине и методе» не уделяется практически никакого внимания), образа и, главное, к проблематике чтения как «эминентного» способа доступа к миру.

Понимание и анализ феномена чтения Гадамером не вписывается в современные ему (отчасти инспирированные им самим) теоретические модели: чтение как продуктивная или как репродуктивная деятельность, понимаемые в рамках отношения между субъективностью читателя и объективностью текста. Даже близкие его позиции исследования в рамках так называемой рецептивной эстетики (Ингарден, Яусс, Изер), исследующие антропологический потенциал опыта чтения, остаются во многих отношениях в пределах прежней – субъективистской – модели.⁶ При этом, как нам представляется, недостаточно внимания уделяется эффектам самого языка, который «разлагается» на составные элементы переживаемого в чтении опыта (Ингарден, Изер).

Гадамер в своих поздних работах, напротив, сосредоточивается на феноменологии конкретного опыта чтения текстов, которые он называет «эминентными». Эминентный текст – это финальная стадия того, что Гадамер называет «текстированием» (Textierung): процесс становления текста в собственном смысле этого слова, подразумевающим образование плотной *ткани* из смысловых, материальных и эмоционально-перцептивных элементов. Образцом такого рода финального этапа процесса текстирования для Гадамера служит чтение лирики, отличающееся максимальной интенсивностью и единством того, что Гадамер называет «внутренними

⁶ В частности это выражается в том, что представители рецептивной эстетики при анализе чувственной составляющей опыта чтения наделяют приоритетом визуальные компоненты опыта чтения, во много игнорируя – в отличие от Гадамера – конститутивную роль фактора слуха.

чувствами»: ощущения, генерируемые опытом чтения (т.е. перформативной средой языка) и превосходящие по степени своей интенсивности и своему «мирораскрывающему» эффекту так называемые «внешние» чувства.

Парадокс ситуации: расширение дисциплинарных рамок герменевтики в поздних работах Гадамера происходит в контексте существенной локализации «базы» исследования. Парадокс однако мнимый, поскольку опыты чтения здесь рассматриваются как «внутримировые» (и во многом спонтанные) способы «раскрытия мира».

В контексте настоящего исследования «феноменология чтения» позднего Гадамера важна как конкретизация и экземплификация идеи перформативного медиума, который теперь выступает не только в роли ключевой объяснительной модели, но и «эмпирически» удостоверяемого внутримирового феномена, составляющего интегральную часть повседневного опыта.

Важные следствия «поворота» теоретического проекта Гадамера от философской герменевтики к герменевтической философии (которая представлена только в форме кратких набросков):

- 1) обращение к повседневным образцам экспликативной речи (противопоставляемой дескриптивным формам высказывания), интегрированной в до-теоретический феноменологически значимый опыт, именуемый нами «спонтанной феноменологизацией»;
- 2) демонстрация специфического отношения между способами присутствия языка в мире и способами присутствия и конструирования мира в языке;
- 3) преодоление характерного как для дескриптивной, так и для ранней герменевтической феноменологии разделения между феноменальным (онтическим) и онтологическим, между являющимся и явлением, между тематизацией и практическим освоением (жизненного мира).

Кроме того, феноменология чтения – наиболее яркий и наиболее репрезентативный образец того, что мы предложили именовать «слабым

трансцендентализмом» (п. 5.1.) как одной из наиболее продуктивных и последовательных форм постметафизического мышления.

В заключительной **Третьей** главе «Феноменологическая герменевтика как практическая философия и языковая прагматика» осуществляются наброски двух основных теоретических форм, в которых развивается – способна развиваться – герменевтическая феноменология, эксплицитно базирующаяся на модели перформативного медиума: нередукционистская теория коммуникативного опыта и постметафизическая практическая философия.

В параграфе 8. «Герменевтический диалог и языковая прагматика: проект интегральной коммуникативной теории» осуществляется очерк интегральной теории лингвистической коммуникации, теоретическим основанием которой служит разработанная в настоящем исследовании медиалистская парадигма. Модель перформативного медиума – единство предмета опыта, пространства опыта и его исполнения – способна выступить теоретическим основанием, позволяющим сопоставить и интегрировать в единую теоретическую модель основные концепции языковой коммуникации.

Речь идет о философских и социальных теориях, рассматривающих опосредованную языком коммуникацию в качестве базовой формы человеческого опыта. Среди них такие, как философская герменевтика, трансцендентальная прагматика и теория коммуникативного действия. Вопреки сложившемуся – «демаркационному» – подходу к анализу этих теорий, в настоящем исследовании предлагается рассматривать их как комплементарные.

Однако эта комплементарность имеет не «внешний» характер, но, напротив, проистекает из универсалистских притязаний этих концепций. Кроме того, каждая из этих концепций исходит из идеи социальной природы языка и его функции посредника в коммуникации человека и мира. Иными словами, с разной степенью эксплицитности каждая из этих концепций

рассматривает язык не как символическую систему или инструмент коммуникации, а как пространство социального (коммуникативного) действия.

«Переплетенность» визуального восприятия, интерпретации и социально релевантного действия – своего рода «общий знаменатель» трех упомянутых концепций коммуникативного опыта. Необходимость разработки интегральной модели обосновывается, в первую очередь, тем, что каждая из трех рассматриваемых концепций охватывает только часть коммуникативного пространства, или часть спектра предоставляемых этим пространством поведенческих возможностей. Однако с точки зрения комплексной модели каждая из концепций коммуникативного опыта представляет собой тематизацию одного из измерений коммуникативного пространства, или перформативного медиума коммуникации. Эти измерения, с одной стороны, представляют собой структурные (или «онтологические») характеристики, а, с другой стороны, (онтические) возможности коммуникативного опыта.

Организованные в систему, модели коммуникативного опыта, репрезентируемые философской герменевтикой (Гадамер), трансцендентальной прагматикой (Апель) и теорией коммуникативного действия (Хабермас), тематизируют как онтологические, так и онтические аспекты перцептивно-коммуникативного пространства, или перформативного медиума. «Логика» выстраивания этих партикулярных моделей в интегральную конструкцию задается следующей системой координат:

Трем формам отношения мира и языка (коммуникативного отношения) соответствуют три типа коммуникативного опыта, которые весьма схематично можно обозначить следующим образом: социальная интеракция, экспертный дискурс и герменевтический диалог. Эти три типа отражают структуру всего коммуникативного опыта, который *in extenso* охватывается тремя основными концепциями. Структурообразующий фактор здесь заключается в том, что каждая из трех форм коммуникативного отношения не

только противопоставляется двум другим, но и включает их в себя как собственное основание и как собственный горизонт.

Например, для «экспертного дискурса» «социальная интеракция» и «герменевтический диалог», с одной стороны, составляют основания его возможности, поскольку экспертное обсуждение возможно лишь благодаря коммуникативным предпосылкам социальной интеракции и онтологическим импликациям подлинного (или герменевтического) диалога. С другой стороны, «социальная интеракция» и «герменевтический диалог» – «онтические» перспективы самого «экспертного дискурса», которые реализуются в зависимости от того, в каком направлении он развивается: в направлении тематического, эксплицирующего обсуждения «самой вещи» или в направлении обсуждения форм и средств коммуникации. В каждом из этих случаев меняется структура коммуникативного опыта, которую, в отличие от «вертикального» характера структурной взаимосвязи трех форм коммуникативного опыта, можно обозначить как «горизонтальную», поскольку она выражает не внешнюю взаимосвязь трех этих форм, а внутреннее структурное взаимоотношение элементов каждой из них.

Горизонтальная структура состоит во взаимосвязи трех элементов: (1) самосознания «субъекта» коммуникации, (2) тематического «предмета» и (3) языковой среды коммуникативного опыта. Соотношение модальностей этих трех элементов обуславливает специфику каждой из трех основных (парадигматических) форм коммуникативного опыта: герменевтического диалога, экспертного дискурса и социального взаимодействия. Модальности располагаются в спектрах: (1) от интеграции субъекта в социально-коммуникативный перформанс до методического самоконтроля; (2) от интегрального элемента перцептивно-интерпретативного жизненного мира до объекта научных исследований; (3) от критического дискурса до среды герменевтического диалога.

К числу ключевых результатов предложенной интегральной модели относятся следующие:

1) перевод демаркационистского языка традиционной – в том числе феноменологической – онтологии, опирающегося на терминологию многообразия структур и регионов, в терминологию многообразия практик. Иными словами, различие онтологического и онтического – не проблема соотношения явных (онтических) содержаний и скрытых (онтологических) структур, а соотношение различных – и вместе с тем взаимосвязанных – форм (социальных) практик;

2) преодоление категориального разделения визуального и вербального, перцептивного и коммуникативного; обоснование континуальности и градуальности человеческого коммуникативно-перцептивного опыта в противоположность региональности и дискретности традиционного его понимания;

3) преодоления «лингвоцентризма» большинства как традиционных, так и современных концепций коммуникативного опыта: утверждение важности нелингвистических, или «инфралингвистических» форм коммуникации в их необходимой взаимосвязи с эксплицитно лингвистическими формами.

4) преодоление категориального разделения между социальными и приватными формами коммуникации, между социальным действием и личностным самопознанием, между индивидуально-экзистенциальным и морально-нормативным аспектами языковой коммуникации.

В параграфе **9. «Герменевтический медиализм и постметафизическая практическая философия»** герменевтическая феноменология, основным репрезентантом которой теперь выступает философская герменевтика Гадамера, представленная по большей части в его поздних работах, рассматривается в горизонте идеи постметафизической практической философии. Эта идея, пожалуй, на сегодня – финальная стадия в истории трансформаций феноменологического проекта в его философской – не методологической – версии.

Постметафизическая практическая философия, как предлагается трактовать ее в настоящем исследовании, понимает действие не в смысле партикулярного акта, а в смысле практики, выступающей в философии Аристотеля посредником между универсальным и партикулярным.

Гадамер, как известно, наследует аристотелевской идее особого практического разума («фронесис»), актуализируя ее и делая ее продуктивной для всеобщей теории интерпретации как структурной характеристики человеческого опыта в целом. Эта продуктивность терминологически фиксируется Гадамером в «применении» как структурном компоненте любого понимания. Эта «аппликативность» понимания – на разных его уровнях – и составляет отправной пункт для реконструкции потенциала философской герменевтики как постметафизической практической философии.

Ключевой тезис в этом контексте: «прагматический поворот» в теории значения, осуществленный в феноменологической герменевтике и философском анализе обыденной речи, ведет к необходимости пересмотра традиционных представлений о действии (как форме интервенции во «внешний мир»), к необходимости введения более дифференцированного представления о практике и социальной активности. Предлагаемая идея «многошкальности» понятия практики – от технической манипуляции до переопределения интерпретативной системы координат – представляется весьма продуктивной как для проблематики теории значения, так и для социальной теории, демонстрируя близость постановок вопроса, практикуемых в этих дисциплинах.

Критическим фоном для нашей реконструкции феноменологически-герменевтической концепции практической философии снова выступает теория коммуникативного действия (формальная прагматика) Юргена Хабермаса, которая во многом занимает сходные позиции и выдвигает сходные притязания.

Как в случае философской герменевтики, так и формальной прагматики, представляющей собой «лингвистический» фундамент теории коммуникативного действия, язык выступает не в роли средства, а в роли среды, или медиума, межличностного общения. Язык – это не столько канал, сколько пространство (среда, или медиум) межличностной коммуникации. Спектр интерпретаций языка, задаваемый двумя этими полюсами – метафорами среды и канала, – создает зазор, в котором реализуются оба возможных подхода к рассмотрению соотношения двух этих концепций: критическое противопоставление и поиск комплементарности.

Метафоры среды и канала, которые мы используем в рамках метатеоретического сопоставления постметафизических концепций Хабермаса и Гадамера, следует дополнить моделями дискурса и чтения. Метафоры среды и канала, а также разнообразные способы их комбинирования играют роль парадигм в вопросах разьяснения структуры коммуникативного опыта. «Чтение» и «дискурс» выполняют парадигматическую функцию при рассмотрении форм его исполнения.

Существует корреляция между базовыми структурами коммуникативного опыта и формами его исполнения, которую можно представить как отношения между четырьмя «полюсами», пары которых образуют крайние точки двух спектров – спектра структурных характеристик коммуникативного опыта (канал и медиум) и спектра форм исполнения коммуникативного опыта (дискурс и чтение): например, чем дальше конкретная форма коммуникативного опыта от полюса «канал» и ближе к полюсу «медиум», тем в большей степени формы исполнения опыта отдаляются от полюса «дискурс» и приближаются к полюсу «чтение».

Различие между формами коммуникативного опыта не в том, с какими полюсами они отождествляются в аспекте своей пространственной структуры и способа своего исполнения, а в том, в какой части спектра они располагаются. Иными словами, «канал» и «медиум», «дискурс» и «чтение» – идеально-типические понятия, в то время как «реальные» коммуникативные

практики характеризуются гибридность и динамикой перехода из одной конфигурации в другую.

Социально-теоретический вклад философской герменевтики как формы постметафизической практической философии заключается в следующем:

- 1) корректировка односторонностей в понимании языка и, соответственно, имеющего языковой характер социального действия;
- 2) реабилитация социального значения дорефлексивных «языковых игр», экспликация структурного, а не только генетического характера их связи с рефлексивными (т.е. дискурсивными) коммуникативными практиками;
- 3) расширение перечня социально-релевантных практик за счет дорефлексивных форм языковой коммуникации и, как следствие, корректировка (расширение) понятия (опосредованного языком) социального действия;
- 4) подведение «лингвистического» фундамента под различение публичных и частных форм коммуникации (и под установление взаимосвязи между ними);
- 5) экспликация содержания формально-прагматического концепта дорефлексивного «структурированного языком жизненного мира».

Что касается упоминавшейся выше «многошкальности» практики как одной из ключевых новаций постметафизической практической философии, она, базирующаяся в нашей связи на «философско-лингвистических» доктринах Хабермаса и Гадамера, описывает взаимосвязь трех уровней, соответственно, трех сфер практики, или форм действия:

- 1) сфера инструментального или стратегического **манипулирования**, разворачивающегося в рамках объективного мира, по отношению к которому (заранее истолкованный) смысловой горизонт мира выступает в роли (нетематического) трансцендентального основания;

- 2) (медиально-трансцендентальная) сфера коммуникативного действия, разворачивающегося в перформативной установке и в среде дискурсивно используемого языка. Здесь смысловой горизонт артикулированного в языке мира – уже не только основание, но и среда коммуникативного действия, нацеленного на координацию социальной интеракции, в рамках которой «объективный мир» – это лишь один из структурных компонентов коммуникации;
- 3) сфера герменевтического опыта, «прагматическая» специфика которого состоит в изменении медиально-трансцендентального смыслового горизонта мира, составляющего одновременно медиум и трансцендентальное основание как стратегического (или манипуляционного), так и коммуникативного действия.

Три эти формы «языковой прагматики» взаимосвязаны. Кроме того, они представляют собой «идеальные типы», т.е. результат теоретического членения континуума коммуникативных возможностей, образующих друг с другом в функциональные связи. На основе выделяемых идеальных типов можно построить категориальную матрицу, которая бы учитывала многообразия гибридных и комплексных форм коммуникативного опыта и тем самым обеспечивала бы возможность их эмпирического исследования.

Одно из ключевых направлений дальнейших исследований: дифференциация коммуникативных практик в контексте современной материальной культуры, прежде всего, в контексте современных медиа-технологий, оказывающих, вне всяких сомнений, массивное трансформативное воздействие на весь спектр коммуникативного опыта. При этом предложенная в настоящем исследовании модель коммуникативного действия (выходящая за пределы предложенного Хабермасом категориального различения «коммуникативного» и «стратегического» действия) способна послужить отправным пунктом и системой координат.

В **Заключении** представлены основные выводы и намечены перспективы дальнейших исследований на основе полученных результатов.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

/· Монографии:

1. Инишев И.Н. Чтение и дискурс. Трансформации герменевтики. – Вильнюс: Издательство Европейского университета, 2007. – 168.
2. Борисов Е.В., Инишев И.Н., Фурс В.Н. – Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс, 2008. – 212 с./72 с.

//· Статьи, опубликованные в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук:

1. Фотография, декор, архитектура (Беньямин, Гадамер и смена парадигм в философской эстетике) // Вестник Самарского государственного университета. №10/1 (50), Самара, 2006.
2. Интенциональность и очевидность. Истоки трансцендентальной феноменологии Гуссерля // Известия Томского политехнического университета. Том 311, №7, 2007. Издательство ТПУ, г. Томск. С. 84-88.
3. Хайдеггер и философия языка // Вестник РГГУ. № 7/08. Серия «Философия». М.: РГГУ, 2008. С. 62-79. ISBN 978-5-7281-1021-7
4. Понятие мира в трансцендентальной и герменевтической феноменологии // Вестник ТГПУ, 2007.

5. Von der phänomenologischen Verstehenstheorie zur Phänomenologie der Lesepraxis (Transformationen der Hermeneutik Gadamer) // *Studia Phaenomenologica*, 2008.
6. Медиалистская трактовка языка в феноменологической герменевтике Х. Липпса и Х.-Г. Гадамера // *Вопросы философии*, 2009, №4. М. 2009. С.168-175.
7. Событие и метод: философская герменевтика в контексте феноменологического движения // *Вестник ТГУ*, вып. 333, Томск, 2010.
8. Medialität als Grundbegriff der gegenwärtigen Phänomenologie // *Phainomena*. Vol. 70-71. Ljubljana, 2010.
9. Феноменология как теория образа // *Логос*, вып. 5, М.2010.
10. Взаимосвязь материального и смыслового в иконическом опыте // *Вестник ТГУ*, вып. 4 (16), Томск, 2011.
11. Seeing an Image – Being-in-the-World: the Interconnections Between Visuality, Spatiality, and Agency in Philosophical Hermeneutics // *Problemos*. 2013. No. 84. P. 170-183.
12. Heideggers Philosophie der Kunst im Licht der Gegenwärtigen Ästhetik und Bildtheorie // *Phainomena*, vol. 85-85, Ljubljana, 2013.
13. Интенциональность и медиальность: взаимосвязь когнитивного и имагинативного в гуссерлевских "Идеях I" // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2013. Т. 2. № 115. С. 58-66.
14. Феноменологическая герменевтика в медиа-теоретической перспективе // *Вопросы философии* 2014, №4. М. 2014. С.153-163.
15. Взаимосвязь визуального восприятия, пространства и действия в герменевтической концепции образа // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. Т. 7. № 148. С. 16-25.

/// Статьи, опубликованные в прочих изданиях:

1. Диапазон эстетического: от дискурса до текстуры // *Философский журнал*. 2014. Т. 13. № 2. С. 121-134.
2. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // *Философско-литературный журнал "Логос"*. 2012. Т. 85. № 1. С. 184-211.
3. Пространственность образности // *Топос. Философско-культурологический журнал*. 2011. № 1. С. 116-125.
4. Иконический поворот в теориях культуры и общества // *Философско-литературный журнал "Логос"*. 2010. № 6.
5. Гуссерль и философия языка [значение, образ, медиум] // *Топос. Философско-культурологический журнал*. 2009. № 22. С. 74-86.
6. Перформативное измерение интерпретативного опыта: к проблеме «актуализирующего прочтения» философской традиции // *Топос. Философско-культурологический журнал*. 2009. № 21. С. 120-127.
7. Феноменология и языковая прагматика: мотив медиальности и перформативности в современной философии языка // В кн.: *Творческое наследие Г.Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания. Пятые Шпетовские чтения*. Томск: Томский государственный университет, 2009. С. 113-122.
8. Феноменологическая герменевтика между теорией языка и теорией действия // В кн.: *Практический поворот в постметафизической философии* Т. 1. В : Европейский гуманитарный университет, 2008. С. 10-82.
9. Сильные стороны слабого трансцендентализма // В кн.: *Практизация философии: современные тенденции и стратегии / Отв. ред.: И. Н. Инишев, Т. Щитцова*. Т. 2. В : Европейский гуманитарный университет, 2010. С. 165-178.

10. Проект герменевтической феноменологии в работе Г. Г. Шпета «Явление и смысл» // Третьи Шпетовские чтения. — Томск, 1999.
11. Бытие как феномен: к феноменологическим истокам фундаментальной онтологии. // Исследования по феноменологии и философской герменевтике №1, Минск, 2001.
12. Phenomenology and Language, in: Russia and Phenomenological Tradition. S-Petersburg, 2005. P. 219.
13. Измерения коммуникации: к идее интегральной коммуникативной теории // Топос. Философско-культурологический журнал. Минск, 2006
14. Имплицитность практики. Гадамер, Хабермас и практическая философия // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук. Сборник научных трудов. Вып. 1. Вильнюс, 2007.
15. Феноменология как экзистенциальная практика: об одном мотиве в философии Хайдеггера // Ежегодник по феноменологической философии РГГУ, Москва 2008
16. Онтология, фактичность, герменевтика: между онтологическим познанием и экзистенциальной практикой // Докса: сборник научных работ по философии и филологии. Одесса: Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова, 2009.
17. Феноменология как метод и как спонтанный эффект // Докса, 2009.
18. Литература как медиум философской рефлексии // Язык философии: традиции и новации, Москва: Издательский центр РГГУ, 2010.

